

ГУСЕЙН МУХТАРОВ И АЛЕКСЕЙ КОЛОМИЕЦ: РЕЦЕПЦИЯ- ДИАЛОГ

HUSEYN MUKHTAROV AND OLEKSIY KOLOMIYETS: RECEPTION-DIALOG

Проф., д. филол. н. Николай ВАСЬКИВ

Киевский университет имени Бориса Гринченко, Институт журналистики, кафедра
журналистики и новых медиа

Киев, Украина

myvaskiv@ukr.net; +38 050 276 40 34

ORCID NO: 0000-0003-3909-1213

Prof. Dr. Mykola VAS'KIV

Borys Grinchenko Kyiv University, Institute of Journalism, Department of Journalism and
New Media

Kyiv, Ukraine

myvaskiv@ukr.net; +38 050 276 40 34

ORCID NO: 0000-0003-3909-1213

АННОТАЦИЯ

В статье проводится сравнительный анализ пьес туркменского писателя Гусейна Мухтарова «Семья Аллана (Честь семьи)» (1949) и украинского драматурга Алексея Коломийца «Дикий Ангел» (1978). На основе этого анализа автор статьи доказывает, что после перевода пьесы туркменского драматурга на украинский язык она стала хорошо известна украинским читателям, писателям и драматургам и что А. Коломиец взял ее сюжет за основу своей пьесы. В центре обоих произведений лежит острая нравственно-этическая проблема превращения руководителя во властного правителя, а потом и самодура, который начинает считать общее имущество своим личным. Такое поведение противоречит исконным народным представлениям о совести и чести, носителями которых являются старшие члены семьи. Именно они исправляют ошибки своих сыновей, заставляют их исправить допущенные ошибки. Моральные устои туркмен и украинцев оказываются близкородственными, типологически сходными. Пьеса А. Коломийца заимствует многие сюжетные ходы произведения Г. Мухтарова, иногда до мелких деталей. Этот прием заимствования и трансформации чужих произведений был очень продуктивным в творчестве украинского драматурга. Но если

коллизии взаимоотношений отца и сына составляют основу пьесы Г. Мухтарова, то в пьесе А. Коломийца они оказываются на периферии. Украинский драматург творчески заимствовал перипетии произведения туркменского автора, перенес их на украинскую национальную почву, трансформировал, создав оригинальное высокохудожественное произведение, которое стало классикой украинской и советской литературы, точно так же как пьеса Г. Мухтарова стала классикой туркменской и советской драматургии. Оба произведения были в свое время удостоены Государственной премии СССР и не утратили актуальности и по сегодняшний день.

Ключевые слова: *компаративный анализ; туркменско-украинские литературные связи; пьеса; Гусейн Мухтаров; Алексей Коломиец.*

ABSTRACT

The article conducts a comparative analysis of the plays of the Turkmen writer Huseyn Mukhtarov "The Allan Family (Family Honor)" (1949) and the Ukrainian playwright Oleksiy Kolomiyets "The Wild Angel" (1978). Based on this analysis, the author of the article proves that after the translation of the play by the Turkmen playwright into Ukrainian, it became well known to Ukrainian readers, writers and playwrights and that O. Kolomiyets took its plot as the basis of his play. At the center of both works is the acute moral and ethical problem of turning a leader into an imperious ruler, and then a fool who begins to consider common property his personal. Such behavior is contrary to the primordial folk ideas about conscience and honor, the bearers of which are the older members of the family. It is they who correct the mistakes of their sons, force them to correct their mistakes. The moral foundations of Turkmen and Ukrainians are closely related, typologically similar. The play by O. Kolomiyets borrows many plot moves of the work of G. Mukhtarov, sometimes to small details. This method of borrowing and transforming other people's works was very productive in the work of the Ukrainian playwright. But if the conflicts of the relationship between father and son form the basis of the play by G. Mukhtarov, then in the play of O. Kolomiyets they are on the periphery. The Ukrainian playwright creatively borrowed the vicissitudes of the work of the Turkmen author, transferred them to the Ukrainian national soil, transformed, creating an original highly artistic work that became a classic of Ukrainian and Soviet literature, just as the play of G. Mukhtarov became a classic of Turkmen and Soviet drama. Both works were once awarded the State Prize of the USSR and have not lost their relevance to this day.

Keywords: *comparative analysis; Turkmen-Ukrainian literary relations; play; Huseyn Mukhtarov; Oleksiy Kolomiyets.*

В 1949 году известный туркменский драматург и киносценарист Гусейн Мухтаров опубликовал пьесу «Семья Аллана (Честь семьи)». Очень скоро началось ее триумфальное шествие по всему Советскому Союзу. В 1951 году постановка пьесы в Ашхабадском драмтеатре была удостоена Сталинской премии третьей степени. В том же году был напечатан перевод «Семьи Аллана» на русский язык, совершена постановка спектакля Рижским Театром юного зрителя на латышском языке. А 10 мая 1952 года

состоялась премьера спектакля «Честь семьи» в Киевском академическом театре им. И. Франко в постановке режиссера И. Бжесского и художественном оформлении известного художника М. Дрока, много лет работавшего в театре имени Ивана Франко (Спектакли Национального...). Уже в следующем, 1953-м, году был издан украинский перевод (с русского языка) пьесы Г. Мухтарова (Мухтаров, 1953). Триумфальное шествие пьесы Г. Мухтарова просторами Советского Союза достигло кульминации после 1956 года, когда был снят одноименный фильм «Честь семьи» (премьера состоялась 23.08.1957). С тех пор драматическое произведение туркменского писателя прочно вошло в сознание советских и, в частности, украинских читателей и писателей.

Относится это и к известному украинскому драматургу Алексею Коломийцу, который в 1978 году завершил пьесу «Дикий Ангел» (Коломієць, 2009). Постановка этой пьесы (премьера состоялась 27 января 1979 года (Спектакли национального...) в Киевском драмтеатре им. И. Франко была удостоена в 1980 г. Государственной премии СССР (бывшая Сталинская). Но взаимосвязь двух драматических произведений состоит не только и не столько в том, что они оба удостоены Сталинской или ее аналога – Государственной премии. Отзвуки пьесы Г. Мухтарова отчетливо слышны в сюжетно-проблемных перипетиях пьесы А. Коломийца, несмотря на то, что последняя писалась почти через три десятилетия после «Семьи Аллана», оба произведения были очень злободневными, а злоба дня за тридцать лет существенно изменилась (возможно, и не очень) Учитывая широкую популярность пьесы Гусейна Мухтарова в Украине, успешную постановку ее в театре Ивана Франко, а также существование отдельного издания книги и создания фильма, с которыми можно было ознакомиться и через годы после печати и съемки, невозможно даже предполагать, что А. Коломиец не был с ней знаком.

Пьеса Гусейна Мухтарова воспроизводит жизнь туркменской семьи в первые послевоенные годы, поэтому часто и с гордостью упоминается о том, что сыновья Аллана доблестно воевали и были ранены на фронтах Великой Отечественной войны, сам отец-машинист самоотверженно трудился в тылу. В духе времени пьеса отличается определенной лакировкой: акцентируется внимание на новой хорошей мебели, рояле в новом доме семьи (это в послевоенные-то годы), за окнами виднеются новые дома (это после землетрясения 1948 года), все дети Аллана с высшим образованием или стремятся к нему, избирают «нетипичные» для туркмен профессии (председатель колхоза, аспирант-почвовед, студенты музтехникума и железнодорожного техникума), да и сам «типичный» Аллан – нетипичный для тогдашнего Туркменистана машинист-железнодорожник, но очень важно, что носителем моральных норм является пролетарий. Духом времени можно объяснить и фразы «Силой народа, волей Сталина», «важный» совет «Прочитай выступление Вышинского» и прочее (Мухтаров, 1953, с. 8, 10). Но это внешняя оболочка, внутри которой – постановка острых морально-этических проблем, на первый взгляд – злободневных, на самом деле – вечных.

В завуалированной форме туркменский писатель поднимает очень актуальную тему: очень часто руководители путают общественную собственность со своей личной. Также завуалировано упоминается о всевозможных проверках, комиссиях, приездах начальства в колхозы, где их должны были, кроме всего прочего, вкусно накормить, напоить, да еще кое-чего дать с собой. В «Семье Аллана» говорится об этом так: сын Аллана Байрам, 32 лет от роду, фронтовик, председатель правления колхоза-миллионера, просто хотел уважить гостей, принять надлежащим образом. Но очень скоро свои, личные, бараны закончились (видать, приезжали «гости» часто), и председателю пришлось резать для «угощения» колхозный скот. Счетовод Алты Солтанов обнаружил недостаток шести баранов, ушедших на пропитание гостям, пытается усовестить Байрама, но только наживает себе врага. Но в дело вмешивается глава семейства и его дети, которые не могут стерпеть кражи, пусть и под благовидным предлогом, собирают необходимую сумму на покрытие стоимости злосчастных баранов и обещают привселюдно попросить прощения за преступление сына. В конце концов Байрам сам осознает неблагоприятность своего проступка и говорит о том, что покается публично перед колхозниками.

Нетерпимость к краже общественного имущества в пьесе объясняется прежде всего новым, социалистическим сознанием членов семьи Аллана, но за передним планом скрываются исконные народные представления о чести и совести. Эти представления основываются на адате, лучше любого письменного закона цементирующего моральные устои туркмен, и вполне вписываются в контекст предписаний суфизма, одно прямое упоминание о котором в пьесе было бы немислимим. Но непрямо об этом ведется речь в пьесе: «Чужое без спроса взять – воровство. Вранье написать – вранье и будет»; «Когда бы речь велась об одной курице – все равно подделка» (Мухтаров, 1953, с. 47, 46). Язгюль отказывается от подарка брата Байрама, на его замечание, что он купил сапоги на «мои трудовые деньги», она в духе суфиев, которые больше всего боялись использования нечестно заработанного, заявляет: «Откуда я это знаю?» (Мухтаров, 1953, с. 55). Для Аллана важно сохранить колхозное имущество, но прежде всего ему важно сохранить свое честное имя перед соплеменниками, перед народными извечными представлениями о совести и порядочности: «Я шестьдесят лет свое имя с честью ношу [...] Ничем я так в жизни не дорожу, как своей чистой совестью перед народом. За тридцать лет я ни одной гайки не украл на железной дороге, ни одного шплинта, ни одной тряпки не принес домой с паровоза» (Мухтаров, 1953, с. 47, 49).

Подобный мотив, хотя и на периферии, встречаем и в пьесе Алексея Коломийца «Дикий Ангел». В центре этого произведения – жизнь членов семьи Платона Ангела, их неустанный труд, привитая отцом рачительность в отношении к своему и общественному, которую окружающие часто пытаются выдать за скупость, честность, открытость и полное неприятие любых попыток посягнуть на чужое, делать непорядочные поступки ради личной выгоды или спокойствия. Очень многое в сюжете и проблематике этой пьесы перекликается с пьесой Гусейна Мухтарова. И смею

утверждать, что не только на уровне типологии, а является прямым заимствованием и развитием сюжетостроения и проблематики произведения туркменского писателя.

Ничего зазорного в этом нет: ведь мировая литература переполнена примерами заимствования и развития художественных свершений предшественников, которые отнюдь не являются плагиатом. Кроме этого, стоит отметить, что А. Коломийцу было присущим подобное заимствование. Так, сделавшая его знаменитым комедия «Фараоны» (1961) была трансформацией на современной украинской почве комедии Аристофана «Лисистрата». Античные мотивы отчетливо слышны в пьесе «Завтра – Помпея», на что указывает само ее название (Семенюк, 2009, с. 6, 12). Подобную связь усматриваем и в пьесе «Дикий Ангел» с «Семьей Аллана». Но обо всем по порядку.

Пьеса Мухтарова имела название и подзаглавие «Семья Аллана (Честь семьи)», в украинском переводе название и подзаглавие поменялись местами – «Честь семьи (Семья Аллана)». А теперь авторское определение жанра «Дикого Ангела» – «повесть о семье на 2 действия». По драме туркменского писателя, семья Аллана состоит из его жены и четырех детей – трех сыновей и дочери, причем дочь была третьей от роду. У Платона Ангела также трое сыновей и дочь Таня. Догадываемся, что она тоже родилась третьей по времени. В произведении Г. Мухтарова говорится о появлении в семье двух новых ее членов: второй сын Ата обручается с Зиной Соловьевой, врачом (это важно), эвакуировавшейся в годы войны из Ленинграда; счетовод Алты Солтанов делает предложение Язгюль. Подобные события происходят и в пьесе А. Коломийца. Женой Федора, второго сына Платона, становится участковый врач Клава (тут наблюдается некоторое усложнение сюжета, так как Клава, в отличие от Зины, была замужней). Любовь с первого взгляда связывает Таню и художника Вилю. Правда, есть еще одно дополнение-усложнение: без родительского спроса новую семью создает младший из Ангелов, Павлик.

Даже такая мелочь совпадает: Платон не жалуется на потребление спиртных напитков, но любит за обедом выпить хорошего пива. Аллан, придя домой, заявляет, что «не отказался бы от хорошего плова и от бутылочки каразюма» (Мухтаров, 1953, с. 36). Ангел в конце месяца собирает деньги с каждого члена семьи, в том числе и вновь пополнившего ее, в «общий котел», скрупулезно ведя записи в блокнотике. И даже этому в «Семье Аллана» предшествует сцена, в которой Аллан собирает деньги, чтобы вернуть их (немалую сумму) за шесть баранов колхозу, и деньги собирают не только жена, сыновья и дочь, но также будущие невестка Зина и зять Алты (он отдает те деньги, которые копил на будущую свадьбу с Язгюль). Совпадает также один из мелких эпизодов в сюжете: чтобы оправдаться в своих проступках, старшие сыновья пытаются свалить вину на происки других: Байрам – на Алты, Петр – на Вилю. Как видим, слишком много совпадений, чтобы их считать просто совпадениями.

Платон Ангел, как и Аллан, – пролетарий, всю жизнь проработал на заводе, если не считать войны, о которой тоже упоминается с пиететом, близким с пьесой Мухтарова.

Младший сын Аллана Курбан – студент железнодорожного техникума, т.е. пошел по стопам отца. Федор и Таня Ангелы работают на том же заводе, что и отец. Правда, Таня мечтает о профессии не менее экзотической, чем классическая музыка Язгюль: она хочет стать стюардессой. Павлик – студент института, Ата – уже аспирант. Но больше всего, исходя из потребности установить контакты между двумя пьесами, нас интересуют самые старшие братья.

Байрам, как уже упоминалось, был председателем колхоза. Петр Ангел тоже на руководящей должности, на столь высокой, что она дает ему право получать очень высокую зарплату (поэтому жена может себе позволить заниматься исключительно домашним хозяйством и очень модно одеваться), жить на государственной даче, ездить на государственной «Волге», решать, в каком районе Киева и какие дома строить, кому вне очереди выделять квартиру. Но и он, как Байрам, совершает проступок: дает разрешение строить дом в том месте, где из-за шума будет невозможно жить. Он не хочет признавать свою оплошность, потому что так спокойнее, потому что иначе потеряет должность. Но отец заставляет его написать отказ от принятого решения. Так рушится карьера Петра Ангела, он опять возвращается на родной завод простым инженером, но сумел сохранить свою и семейную честь. Знакомые интонации Аллана звучат в словах отца из пьесы Коломийца: «Тебя называют не Петька, а Петр Платонович! И Платон за тебя, за дела твои отвечает. И совесть рода своего не дам пятнать!» (Коломієць, 2009, с. 284–285).

Как видим, тесная проблемно-тематическая, сюжетно-композиционная, образная, текстовая связь «Дикого ангела» с «Честью семьи» является ярким образцом прямых литературных контактов, заимствования и трансформации. Но теперь, как ни удивительно, стоит поговорить о типологии. Пьеса Г. Мухтарова была актуальной в Туркменской ССР, Украинской ССР и в СССР в целом в 1950-е годы, пьеса А. Коломийца в Украинской ССР и СССР – в 1970–80-е годы. Очевидно, были какие-то общесоветские болячки, имеющие системный характер как минимум на протяжении второй половины XX века. Но партийное и государственное руководство настоятельно требовало от писателей критики «отдельных» явлений, с акцентуацией того, что они не являются общими, системными (в песне к известному советскому сериалу «Следствие ведут знатоки» ключевыми были слова «Если где-то кое-где у нас порой / Честно жить не хочет...»). Соответственно, и литературные (кино-, театральные) критики должны были рассматривать вскрытие общественных недостатков как разоблачение «отдельных» личностей и фактов, но не явлений.

Возможно, именно это было основной причиной того, что читатели, зрители, критики не увидели сюжетно-композиционной взаимосвязи двух пьес, которая, казалось, лежала на поверхности. Очевидно, была не одна причина для удивительной близорукости исследователей относительно многих реминисценций, аллюзий, прямых и косвенных заимствований из «Чести семьи» Г. Мухтарова в «Диком Ангеле» А. Коломийца. И это

при том, что обе пьесы имели громкую популярность не только на республиканском, но и на союзном уровне. А пьесу Мухтарова очень хорошо знали в Украине из разных «источников». Но проблема состояла в том, что подсознательно «Честь семьи» рассматривали как освещающую специфическую туркменскую жизнь, а «Дикого Ангела» – как описывающего пусть и не столь специфическую, но «республиканскую» жизнь Украины (кстати, пьеса А. Коломийца уже рассматривалась отдельными критиками как такая, которая указывает на общие болячки в разных регионах СССР).

На самом деле обе пьесы рассматривали общую для всего Союза и, соответственно, на протяжении долгого времени проблематику: приписки, очковтирательство, смешивание государственного и собственного имущества, беззаконие и даже самодурство власть имущих, которые вступали в острое противоречие с исконными туркменскими и украинскими этническими, а также и общечеловеческими представлениями о справедливости, порядочности, принципах взаимоотношений между людьми. Объявлялись очень важными материальные, а не только идеологические факторы жизни человека, хотя традиционно для советского искусства ни один, ни другой писатель не оспаривают первенства идеологии, разумеется, коммунистической. Именно этим, узнаваемостью ситуаций, негативных системных явлений, благородной борьбы со злом, объясняется, прежде всего, популярность пьес Г. Мухтарова и А. Коломийца в советскую эпоху, не утратив актуальности до сих пор, поскольку, к сожалению, общественные болезни того времени пустили метастазы в наше время.

И тут можем констатировать, что литературный контакт, заимствование одним писателем, украинским, у другого, туркменского, тех или иных сюжетных коллизий, решений поставленных проблем неразрывно сливается с литературной типологией. У обоих писателей основным мерилom ценностей, морально-этических устоев является народная мудрость, шлифованная веками. Туркменская и украинская народная мораль, правила сожителства в обществе, любовь к труду, при всем национальном своеобразии, имеют общую основу, поэтому так много общего в мировоззрении персонажей пьес Г. Мухтарова и А. Коломийца, их идейном содержании и сюжетно-композиционных особенностях.

ЛИТЕРАТУРА

Спектакли Национального академического драматического театра им. Ивана Франко. [Электронный ресурс]: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Спектакли Национального академического драматического театра им. Ивана Франко](https://ru.wikipedia.org/wiki/Спектакли_Национального_академического_драматического_театра_им._Ивана_Франко)

Коломієць О. (2009). Вибрані твори. Київ : Грамота. С. 239–294.

Мухтаров Г. (1953). Честь сім'ї (Сім'я Аллана) : п'єса на 4 дії. К. : Мистецтво.

Семенюк Г. (2009). Вступне слово. [в]: Коломієць О. (2009). Вибрані твори. Київ : Грамота. С. 5–12.